

АНАТОЛИЙ ШИНКИН

Заповедный ОМУТОК

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Анатолий Шинкин
Заповедный омут

«Издательские решения»

Шинкин А.

Заповедный омут / А. Шинкин — «Издательские решения»,

Вампир — «неживой» по определению, не боится смерти: потеряв физическое тело, переселяется в другое. Смерти боится человек и всячески старается оградить и направить вампира в своем теле на бережное, спокойное и долгое существование. Соглашается «лизать зады» вышестоящим, «толкаться локтями» с равными, «ходить по головам» подчиненных.

© Шинкин А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1 На грани вымирания	7
Глава 2 За неделю до...	10
Глава 3 Заседание посвященных	12
Глава 4 Рождение экстрасенса	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Заповедный омут
Иронический детектив
Анатолий Шинкин

© Анатолий Шинкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Предлагаемый роман более социально-сатирическое, чем традиционно «вампиρское» произведение. Способ сосуществования чиновников и вампиров в одном теле кровососы внедрили более семи веков назад, когда малочисленного народонаселения уже не хватало для прокорма расплодившихся тварей.

Вампир, «неживой» по определению, не боялся смерти: потеряв физическое тело, переселялся в другое. Смерти боялся человек, и всячески старался оградить и направить вампира в своем теле на бережное, спокойное и долгое существование.

Соглашался «лизать зады» вышестоящим, «толкаться локтями» с равными, «ходить по головам» подчиненных.

Глава 1 На грани вымирания

– но мы бессмертны!

– Черта с два! Я вчера отразился в зеркале.

Из подслушанного

Свет уличного фонаря, пронизывающий чердак через щели дощатого фронтона, начал терять яркость, растворяясь в сумеречном мареве начинающейся утренней зорьки.

Джульетта и Колян застонали, вздрогнули в оргиастическом исступлении, тесно прижавшись, постояли неподвижно, и Джульетта, плавно расцепив руки, мягко вытащила клык и благодарно лизнула ранку на шее Коляна:

– Ты вернул меня к жизни...

– Сама поняла, что сказала? – самодовольно хохотнул Колян. – Мы мертвые по определению, и, чем мертвей, тем живей.

– Ох, не цепляйся к словам. Хорошо, ты вернул меня к смерти!

– Я не настаиваю: так, полемика для прикола в порядке дежурного абсурда.

Колян щелкнул зажигалкой, прикуривая супер легкий «Георг», и на мысленный вопрос Джульетты:

– Почему ты перешел на эту безвкусную дрянь?

Ответил взглядом:

– А что делать? Семьсот лет не жаловался на здоровье. Теперь задыхаюсь, кашляю, худею, вчера в зеркале отразился. Ладно, давай отваливай. Рассвет скоро.

Джульетта кивнула удовлетворенно и, скрывая улыбку, растаяла в воздухе. Колян, не нагибаясь, прошел сквозь балки и печную трубу в угол чердака, где лежал приготовленный дедом Семеном на свою смерть гроб. Улегся, подвигал плечами, устраиваясь поудобнее, и задвинул над собой крышку.

Дед Семен, сухощавый и крепкий восьмидесятилетний старик, ветеран Великой войны, и просто хороший и добрый человек, раскидал и перерыл всю поленницу в дровянике, отыскивая осиновую чурку. В сторону летели сосновые щепы, еловые оковалки, березовые поленья, перекрученные вязовые отрубки. Искомое нашлось у самой земли, белое, волглое, волокнистое. Для верности понюхал:

– Дерьмо лежалое! Точно осина.

Днями дед Семен гроб себе изготовил. Ответственный по жизни, он и после смерти никого не хотел обременять. А сегодня поднялся полюбоваться на изделие и обнаружил непрошеного гостя. Узнал вампира сразу: в течение долгой жизни попили кровушки и в военкомате, и на работе, и в ЖЭКе, ГАИшники не мало отхлебнули, сейчас вроде пенсионер, а только явись в Пенсионный фонд – грамм пятьдесят непременно откушают.

Приготовил инструмент: топор, ножовку, рубанок, шкурочку наждачную средней зернистости – по ладони провел – годится. Принялся выстругивать осиновый кол – самое народное против вампиров средство.

В замкнутой среде питающихся кровью, взаимоподкормка, в рамках иерархической лестницы, считалась обычным делом. Если кому-то в течение ночи не удавалось подловить, заохмутать и обескровить человечка, он всегда мог воспользоваться дружеской услугой. Особенно часто этим пользовались вышестоящие, к которым относилась Джульетта – вампир первой категории.

Колян – бригадир-упырь – обсасывал подведомственных кровососов-«негров», а те сосали кровь из обычных граждан, а в случае неудачи, облома, нескладухи, впивались в горло друг другу, исключительно, «для поддержки штанов».

Джульетта проснулась в беспокойстве: слова о здоровье, сказанные Коляном вскользь, в коротком утреннем сне обрели размеры кошмара вселенского масштаба. Худой высокий дед, развеваясь на ветру седыми космами, стоял на верху громадной плотины и вращал, крутил, несвязно крича, ворот подъема шлюза. А внизу толпились вампиры, впиваясь в горла друг друга в бешеном экстазе, и не замечали, что уже хлынула волна вонючей крови...

Забыв о телепатии, схватила мобилу, вызывая Коляна:

– Спишь? Бегом сдавать анализы. Кровь, мочу и дерьмо на палочке. Ты отразился в зеркале!

– И что?

– Становишься человеком!

– Прикольно.

– И сдохнешь, как человек, в самое ближайшее время. Встретимся в поликлинике.

Дед Семен закончил выстругивать кол, отложил рубанок, взял наждачку, любовно проглаживал дерево, ощущая пальцами шелковистую поверхность – с таким колом и в Госдуме поохотиться не стыдно, – приложил к щеке, но уловив запах, бросил на стол:

– Только вампирам в сердце вгонять, чтоб им там вонялось.

Поднялся на чердак. Откинул крышку гроба и выругался:

– Удрал сучонок. Ну да, не последний день у Бога.

Джульетта, в Миру Евгения Сергеевна Кипяткова – начальник налоговой инспекции, и Колян, такой же бандит в Миру, как и за его пределами, быстро сделали все анализы и проверки, благо среди врачей Своих немерено, и протрубили Общий сбор в актовом зале городской администрации. Слово взял Колян:

– Общество больно! – он оглядел лица, то есть морды... хари, рыла... Он посмотрел в зал и продолжил. – И мы вместе с ним. Ребята, обсасывающие проститутку, притащили в наши ряды весь венерический букет. Напившиеся крови бизнесменов, добавили экзотики с курортов Турции, Тайваня и далее по списку. Виданное ли дело – страдающий птичьим гриппом вампир – теперь это стало реальностью. Докатались: вампир у стоматолога кариес лечит, типа, клык с дыркой – вонзять неудобно. Идя по пути наименьшего сопротивления, под видом ГАИшников, кровь водителей пья, не подумали ребята о профессиональном шоферском заболевании водителей – геморрое, теперь им даже вену вскрывать не надо: припал и соси. Тьфу.

– Чо ты психуешь? – распальцевал вампир Витюха, начальник милиции в Миру. – мы бессмертные. И не пяль на меня zenки, кровосос!

– На себя посмотри! Упырь! А лучше глянь в зеркало.

Зеркал в зале было пять. Повинуясь жесту невольно обернулись к ним вампиры и увидели отражения: проплыли в полированных стеклах архитектор, судья, пристав, следовательно, начальник земельной палаты под руку с коллегой из регистрационной и многие еще, и не было им числа.

Колян стучал графином по столу, призывая к тишине:

– Мы превратились в людей и умрем, когда придет срок.

– Ишь! Сам семьсот лет прожил, а мне еще пятисот нет.

– А мне ста...

– А мне двухсот...

– Да, мы еще младенцы...

– Жизни не видели...

– Надо что-то решать!!!

Колян смотрел на беснующихся чиновников и чувствовал нарастающее злорадство: «Утерлись, ребята? А надеялись жить бесконечно!» – взял со стола шляпу и направился к выходу.

Дед Семен спустился с чердака обескураженный, хотел запустить осиновый кол обратно в поленницу. Подумал и сунул на полочку, чтоб искать не далеко.

Глава 2 За неделю до...

Жить красиво, достойно, счастливо, интересно!

Чтоб вокруг всем тошно стало!

Девиз запойно пьющего упыря

Колян, крутейший в округе бандит, двинул пониже на глаза черную, а ля Чикагская мафия, шляпу и отступил за высокую дверцу своего внедорожника от пронзительно холодного северо-западного ветра, который стискивал, сгущал темно-серые облака, но не давал до поры разродиться дождем, охлаждая нижний свод сгустка.

Серое здание районной администрации Непряхинска жутковатым булыжником громоздилось на краю городской площади. Маслянистой тусклостью окон в пластиковых рамах пересчитывало всех темных оттенков роскошные автомобили съезжающихся с округи кровососов.

Прохожие, опасливо косясь на сверкающие иномарки, обходили машины дальней стороной, либо жались к стене, опасаясь встретиться с жадной пронзительностью красноватых глаз их владельцев: мертвых по определению, но живее всех живых по самоощущению, здравствующих и процветающих хозяев жизни.

Городом и районом, как почти сплошь в России, правили вампиры. Упыри, вурдалаки и хмыри-«негры» – кровопийцы и кровососы рангом поменьше, нравом попротивней – мелкая сошка. Захватив ключевые посты в бюджетных структурах, устраивали для себя кровавый заказник в отдельно взятом регионе.

К Коляну подошла Джульетта, старший налоговый инспектор, ласково тронула отворот куртки:

– О чем запечалился, мой мачо?

Колян усмехнулся, осмотрелся, задумчиво останавливая взгляд на толстых краснотелых мордах «братьев по крови»:

– Чемоданы пора паковать, подруга.

– Что-то знаешь? – в ее голосе промелькнула плохо скрытая настороженность, но Колян, занятый своими мыслями, не обратил внимания.

– Надеюсь узнать от братки Гульфика, – он обернулся в сторону дороги. – Думаю, от меня у него нет секретов, ... но, все равно, пора, Поверь интуиции старого волка.

– Пойдем встречать старого товарища, – делано громко поддержала Джульетта и торопливо пошла навстречу машине.

Ветер, из последних сил сдерживая начало ливня из совершенно перегруженных водой, сбившихся над площадью в мрачный клуб туч, спустился к грязно-серому асфальту, погнал к бордюрам бумажки, окурки, мятые пачки из-под чипсов; раздвинул в сторону навороченные иномарки, и проложил дорогу к лакированным дверям вагоноподобному, приглушенно урчащему «Лендроверу».

Черный джип, качнувшись солидно и неторопливо, выплюнул из чрева кругломордо лоснящегося коротышку в сером костюме, с малиновым галстуком. Расталкивая друг друга, местное ворье бросились пожимать губкообразную ладошку представителя вышестоящего областного жулья.

Догадывались, хапая и набивая карманы, что лафа не продлится долго, и на верх – в область и столицу – надо отстегивать побольше, да пожадничали. С жалостью поглядывали на главу администрации, который сам хорошо брал и другим не мешал.

Кирюха, вампир третьей категории, а «в миру» глава районной администрации и красавец-мужчина Виктор Игоревич Хватаев, отец двух детей и муж умницы жены, почтительно доложил о повестке нынешнего заседания:

– Ваш доклад, мой отчет, и принятие нового члена.

– А старый, чем не нравится? – неостроумно сдохмил высокопоставленный гость, и хозяйка облегченно и подобострастно заулыбались никудышной шутке: в хорошем настроении гость.

– Наши дамы, – продолжил суетиться Хватаев Кирюха. – Джульетта, главная по налогам, старший архитектор Козетта.

– Вы даже сами не догадываетесь о своей красоте! – снова сострил приезжий. На сей раз шутка прошла, и все дружно заржали: Джульетта – бесспорная красавица-блондинка к сорока, а вот Козетту, кривоногую, плоскую и перекрученную брюнетку за пятьдесят, даже смолodu никто не хотел, но значения это не имело, так как обе никогда себя в зеркале не видели.

– Рады приветствовать высокого гостя, – пропела Джульетта, потянула за руку и подтолкнула Коляна. – Колян, не стой столбом.

– А мы знакомы, – Колян радостно облапил приезжего. Куснули нежно друг друга в шею. – Здорово, брателло.

– Привет, брат. – и шепнул еле слышно. – Потом поговорим. Давайте к делу, – обратился ко всем.

Иерархия вампиров-государственников, насчитывающая пятисотлетнюю историю, строго расставляла и дистанцировала по служебной лестнице членов Ордена Тихого омота. Кровососов новой формации, совмещающих кровопивство с исполнением гражданского долга: служением народу, закону и прочей лабуде, имеющей смысл, только в качестве обеспечения благосостояния и удовлетворения appetитов вечно голодных членов Кровавого братства.

Верхушка ордена – вампиры, достигшие возраста пяти – семисот лет, сравнительно немногочисленная – не более трех тысяч особей. Избежавшие осинового кола, серебряной пули и огня, выпившие за свою полуживую жизнь декалитры крови и уничтожившие тысячи жизней. Одним из них был сегодняшний гость Непряхинска, злой, завистливый, но малоуважаемый в своей среде вампир первой категории Гульфик. Имя досталось в Испании времен Сервантеса и отравило упырю все дальнейшее существование. А ведь случалось бывать «в миру» и министром, и дипломатом, и королем в европейском государстве. Сейчас депутат в областной думе, а область Непрухинская такова, что иным государствам фору даст, но... Гульфик – одежда для хрена, и все... причина злости, зависти и чувства ущербности: менять данное от рождения имя у вампиров не принято.

– И скажи спасибо, что наименовали не в России, – насмешливо «утешил» за кувшинчиком свежей гирлятинки дружбан и многовековой подельник Колян. – Сейчас именовался бы Гондоном Презервативычем. Потянулись к дверям, гордо не отражаясь в зеркале на входе, радуясь своей приобщенности к избранным и предвкушая заранее волнующее действие – пополнения кровососущего семейства и следующего за тем банкета, с питьем крови первой выгонки и выступлением самодеятельных артистов.

Гульфик задержался секунду на крылечке, глянул на тяжело клубящиеся тучи, проследил несомый ветром клочок тетрадного листа, втянул глубоко ноздрями воздух и кивнул. Небо облегченно обрушилось ливнем, скрыв за водяной завесой дома, прохожих, площадь и стоящие на ней автомобили. Захлопнулась гулко за гостем тяжелая дверь.

Глава 3 Заседание посвященных

*«Стать Вампиром не «просто», а «сладко!»
Слоган из рекламного
проспекта «А ты уже записался в упыри?»*

*У вампиров только два состояния – сыт и голоден.
Мифы и реальность о вампирах*

Гульфик встал за трибуну и внимательно просканировал зал на предмет отсутствия Ванхельсингов, Константинов и прочих охотников за вампирами, которые почему-то не могут жить спокойно, пока в мире существуют вампиры, то есть никогда не могут жить спокойно. Для верности внимательно взгляделся в каждое из пяти висящих по стенам зеркал. Зеркала отражали пустой зал и никем не занятые кресла. Принюхался острым, неожиданным для лепешкообразного лица, носом и, не уловив запаха чеснока, раскрыл записную книжку:

– Господа, у нас траур. Вчера загнали и два раза провернули осиновый кол в сердце нашего товарища – вампира первой категории Ржавого, «в миру» заместителя областного прокурора. Это сделали бандиты.

По залу волной прокатился ропот, и Кирюха озвучил общее недоумение:

– Бандиты все под нашей крышей...

– Мы? Да, чтобы мы! Фильтруй базар, брателло! – рванул на груди рубаху Колян.

– Не дергайся и дослушай. Они были уверены, что Ржавый оживет в ореоле борца с оргпреступностью: ведь мы бессмертны, что нам любая деревяшка. Они выломали штaketину из забора и воткнули Ржавому в сердце. Штaketина оказалась осиновой, одна на тысячу сосновых палок – несчастный случай. Помолчим.

Гульфик тяжело смотрел в зал, и ежились бессмертные в непреходящем страхе разоблачения. Полсотни особей, мужчин и женщин, отцов и матерей, друзей и добрых соседей «в миру», и злобных кровососущих тварей в своей настоящей ипостаси, обирающих, обсасывающих, унижающих, а порой и отправляющих на погост, сорок тысяч жителей Непряхина и Непряхинского района.

– Начну с главного: так называемый, народ начинает догадываться о нашем существовании. Многие министры и депутаты названы в интернете и печатных изданиях вампирами и упырями. Хочется думать, что это всего лишь полемический задор зарвавшихся журналюг. Однако по нашим каналам дошла весть, что охранникам нашего пострадавшего брата-олигарха выдают патроны с серебряными пулями, а вместо дубинок осиновые колы, – очень тревожный факт. Поэтому конспирация и еще раз конспирация. Ты что-то сказал?

– Нам придется отменить сюрприз-десерт на банкете, – Кирюха вспотел от напряжения. – Вы сказали «конспирация». Сегодня утром асфальтовый каток переехал голодного вампира – лепешка, и ни одной капли крови. Пришлось вылить весь запас на дорогу, чтобы создать видимость обычного ДТП.

– Интересная отмазка, каких только сказок не приходится выслушивать, выясняя причины непоступления крови в желудки старших товарищей. А жив ли наш брат? ДТП не осиновый кол.

По залу снова зашептались: не умел шутить Гульфик. Ответил Кирюха:

– Жив, и новое тело искать не пришлось. Очень перспективный стажер. Недавно из армии. Служил в «горячей точке», и довел местных жителей поборами и оскорблениями до того, что они весь блокпост – двадцать человек вырезали за одну ночь, а сам вот он. Районный рыбинспектор, он же охотинспектор, он же лесничий.

– Типа шампуня? Три в одном.

– Он привел веский аргумент – пачку баксов, что не надо платить зарплату троим, где справится один. Единоличный хозяин природных запасов района. Никому спуска не дает.

– Государственные интересы охраняет?

– Свои. Сейчас сам расскажет. Никитенко, ты где там?

В зал вошел рослый плечистый парень. Из ворота рубахи выглядывала тельняшка. Зло и нагло осмотрел зал и подошел к трибуне:

– Хочу...

– Т-ссс! Хотеть никогда не поздно, но, порой, вредно, – остановил парня Гульфик. – Отличная кандидатура. Жаден, зол, завистлив, противен. Умен? Хм. Можно расценить как недостаток. Так что ты хочешь?

– Все!

– Тогда по старой доброй традиции партийных собраний... Ха-ха! Ведь нас можно назвать партией? Партией избранных. Расскажи о себе.

– Когда Ваши довели всех до ручки...

– Уже можешь говорить Наши.

– Когда Наши довели всех до ручки, и жители перешли на подножный корм: грибки, ягодки собирать, кору драть с деревьев, рыбу ловить, чтоб с голоду не подохнуть, я начал охранять от них рыбные запасы. Гонял с водоемов, отбирал снасти и рыбу, выбивал в водоемах электроудочкой все живое. На жизнь хватало: дом построил, машину купил, магазин открыл, с Нашими подружился. Вместе районные пруды-миллионники спустили, рыбу продали, деньги поделили, наверх отстегнули. Вода и немножко рыбы осталось только в речке, но мало, так как снесенные паводками плотины мы не восстанавливаем, малька не запускаем. Горожан, если у воды встречаем, штрафуем на всю катушку как расхитителей государственной собственности, в газетенке на весь район пропечатываем, позорим.

– Достоин. Молодец. Давить людей под покровительством самой надежной «крыши» – государства. Заслужил. Получишь бессмертие. Как там нашего брата бестелесного зовут?

– Мнимозина.

– Баба что ли?

– Серединка наполовинку. Начинал как женщина-вамп, был Катериной первой, Жорж Сандой или Сандом: черт их разберет, сменил ориентацию и в разных облициях возглавлял районные и областные подразделения от ВЧК до КГБ. До вчерашнего дня обретался в Регистрационной палате. Половину района обобрал. Четыреста лет от роду.

– Уроду. Хха-ха! Пошутилось в рифму. Ну, а теперь обсуждение. Демократия – это власть народа, а не хрен собачий! Давай, народ, ругни претендента, преследований не боясь.

– Козел? – Козетта взметнула с места свое кривое короткорукое тело, замахала маленьким синеватым кулачком, слюна полетела вокруг. – Козел! Ты что мне обещал, скотина, когда я тебе помогала половину городских строений в собственность оформить, на улицу людей выкидывала, участки у них обрезала? Где кровавый и красивый секс, с элементами садо-мазохистского разврата? Где плетки, наручники и меховые стринги с кожаными веревочками? Где бурные ночи без сна, в оргиях и порнографических откровениях двух изошряющихся в любовном томлении душ? Где...

Легкие смешки в зале перешли в хохот, сидящие в задних рядах приподнимались посмотреть на злобную фурию и падали на сиденья, едва взглянув на обманутую в лучших чувствах чиновницу. Кирюха вытер слезы, провел ладонью по губам, стирая смех, и поднял руку, с крупным родимым пятном на предплечье:

– Есть еще мнения?

– Принять, чего там...

– Годится. – Гульфик вновь взял инициативу. – Отличная характеристика от госпожи Козетты. Нарекаю тебя Мнимозиною... Стоп! Подойди к зеркалу. И жить тебе до...

Никитенко стоял перед зеркалом, глядя на собственное отражение. Вот оно, заветное действие. Скольким ближним и дальним отравил, искалечил жизнь, воровал, бил, врал, гадил в прямом и переносном смысле, по душевной к злу предрасположенности, а теперь получает в награду бессмертие и прошлое некой Мнимозины, и будущее, которое будет строить сам, и ближние становятся дальними, и зло человеческое оборачивается благом рыцарей Ордена Тихого Омута. Никитенко последний раз смотрел на свое отражение и уже знал, как будет строить свое будущее.

Не вставая с места, Гульфик протянул пробирку, и родимое пятно на предплечье растянулось в перевернутое окончание молитвы: «Ин номине патрис, эт филии, эт спиритус санкци. Амен.» Вампиры подались назад, схватились за подлокотники. Рука, вытянувшись над рядами кресел, влила кровь в приоткрытый рот новоиспеченного брата. Грохнула и ссыпалась стеклом на пол пластиковая створка окна. Медленно вплыл и ослепил упырей кроваво-красным сиянием искрящийся чуть более бильярдного размером, шар. Вжимаясь в сиденья, следили кровососы заморожено, как переместилось огненное видение над головами, опалая жаром, и повисло над головой Гульфика.

Упали на щеки вампира тени бровей, занавесили темнотой глаза, превратив лицо-лепешку в маску злого глумливого Джокера, и голос Гульфика донесся, как гром через вату:

– И жить тебе до... Ты, говорят, любишь по людям стрелять? – глумливый Джокер усмехнулся криво. – Жить тебе до серебряной пули. Ха-ха-ха! – Гульфик резко вскинул руку в сторону зеркала, сверкнула молния, и треснуло наискось стекло. Померкло, расплылось и растворилось в нем изображение Никитенко. Следом затянулась кривая трещина, плавным вихрем закружились и вернулись в раму осколки окна.

Приходя в себя, начали дышать и осматриваться упыри. Каждый из них переживал подобное не раз, при каждой смене тела, но трепет огненного обновления вновь и вновь повергал в ступор их полуживое существование.

Гульфик «держал паузу», презрительно разглядывая сидящих «братьев», толстомордых, жадных, злых полулюдей-полувампиров. А ведь вначале идея объединения упыря и человека в одном неплохо работала, способствовала увеличению численности населения и, соответственно, расширению кормовой базы. Не боящийся смерти вампир направлял человека в самую гущу событий, понуждал руководить, направлять, отвечать за сделанное.

В переднем ряду, свесив до полу толстое брюхо, сидел Витюха-мент. Гульфика перевернуло отвращение. Всего полтора века назад Витюха не боялся погибнуть мальчишкой на Парижских баррикадах, двадцатилетним быть расстрелянным на Сенатской площади, тридцатилетним комиссаром быть раздавленным убитой лошадью в кавалерийской атаке в Гражданскую, а вот сейчас толстый мерзавец помышляет только о деньгах и власти, и мечтает подольше продлить земное существование своей безобразной туши. Человек победил вампира. «Недолго вам радоваться, братья...» – усмехнулся Гульфик.

– Садись. Живи с нами, Новый Мертвый, и жди обещанную пулю, – гулкий хохот Гульфика снова сотряс воздух, закачались, звякнув подвесками, люстры.

Смущаясь, пошел Никитенко, получивший добавку Мнимозина, между креслами неровной походкой, присел в задних рядах. На него оборачивались сочувственно и молча: ох, как зло и некрасиво шутил приезжий.

Уставший сглаживать неловкости Хватаев Кирюха взял слово:

– Нам приятно доложить гостю о своем ноу хау...

– Ноу чего?

– Хау – изобретение, технология. Каждый из братьев должен ежедневно выпивать от пятидесяти граммов крови до полулитра. Где брать, когда всех аборигенов по несколько

раз перекусали, а на донорском пункте выпито все и даже посуда вылизана? Нашли мы одного умельца пчеловода. Хитрован скрестил пчел с комарами, отсасывают кровь и в улей стаскивают. Откачивай и пей в удовольствие. Хотели Вас сегодня угостить, да вот неприятность с Мнимозиной.

– Интересно. Интересно. А знаете ли вы господа вампиры, что вместе с преимуществами, которые мы получили от ордена: не спать днем, жить человеческой жизнью, заимели гадкую донельзя проблему. Теперь мы можем заразиться человеческими болезнями, стать людьми и умереть в положенный человеческий срок от туберкулеза, рака, дизентерии или сифилиса. Как Вам перспектива? Подобные случаи уже наблюдались в Европе и Америке. Нас пока Бог миловал, – не надо корчиться: шучу я так. Инициатива кажется интересной, потому что ульи можно ставить в сравнительно чистых местах: детсадах и школах, а кровь из улья подвергать анализу. Пошто, Никитенко, прижурився?

– Спросить хочу. Как узнать, если опять в человека?

– Перед зеркалом встань. Как отразишься... Ха-ха. Давайте заканчивать. Банкет, я понимаю, отменяется?

– Нет, как же? – засуетился Кирюха. – Икра, рыба, фрукты в ассортименте. Стриптиз и упражнения с бананом госпожи Козетты...

– Силов, он и в Африке силов! – отрезал гость. – Закрывай лавочку. Да не забудьте зеркала убрать в кладовку, недотепы. Колян, Мнимозина, в машину. Покажете вашего пчеловода.

Гульфик зашагал к двери. План по изъятию вампиров из тел зажавшихся чиновников начал осуществляться. На первом этапе следовало убедить людей-вампиров, что теряют бессмертие по своей глупости и жадности.

За областным вором разочарованной толпой потянулись Непряхинские вампиры. Успевшая сбросить юбку Козетта, перебирая на месте тонкими кривыми ножками, нервными движениями рвала кожуру с банана, сверлила взглядом спину Гульфика. Совершенно поникший Кирюха, сознавая, что его дни в должности главы города и района сочтены, огляделся потерянно, вырвал у архитекторши полу очищенный овощ, откусил, выплюнул и поплелся к своему кабинету.

По мановению кончился дождь. Ветер легко разгонял излившие бремя воды тучи. Освобождали площадь, увозя по вотчинам упырей, тяжелые темные автомобили, и в бампере последнего отразился луч выглянувшего из-за облаков солнца.

Глава 4 Рождение экстрасенса

*В своей следующей жизни, человек
легко находит дорогу, проторенную
в предыдущей...*

Из опыта реинкарнации

Баба Таня, вполголоса матерясь и оглядываясь, не слышат ли муж Петрович и Бог, выбирала яйца из гнезд в лукошко и заранее тоскливо злилась на соседей, которые повадились скупать у нее яйца оптом на выходе из двора:

– Перестрелит. Или вокруг пойти?

В угловом гнезде несушка уже уселась, готовясь яйцами начать отсчет нового дня, и баба Таня нежно просунула под нее руку:

– Отдай, не жадничай. Умничка. – вспомнила и снова разозлилась. – Сколько можно тех яиц сожрать? Неделю на базар дойти не дают.

К торговле на базаре баба Таня приохотилась лет десять назад, когда вышла на пенсию. Поначалу оправдывалась:

– Ой, раньше мимо торговых пройти стеснялась, а сейчас день дома просижу, и места мне нет: чего бы продать?

Предлагала она покупателям поначалу огородину: капусту раннюю и позднюю, помидорки всех расцветок, морковку ядреную, картошечку молодую, петрушечку кудрявую ярко-зеленую, яблочки ароматные – свежие и моченые, а вскоре завела три десятка кур, и проблема товара отошла на второй план. Курочки исправно приносили не меньше десятка яиц, а баба Таня успешно реализовала продукцию своего подворья, высиживая три часа в торговом ряду шесть дней в неделю и отчаянно сучая по понедельникам, в «небазарный» день.

Муж Петрович относился к увлечению жены снисходительно, помогал ухаживать за курами, смотрел телевизор и читал газеты, лишь бы самого не задевала бурная энергия и неостановимая деятельность, хотя с некоторых пор начал задумываться, обеспокоенно поглядывая на спутницу жизни.

Баба Таня забежала в дом, оставив кошелку в сенях, промчалась к окну на улицу и, прячась за шторку, осторожно выглянула. Соседка Ольга Ивановна сидела на лавочке, терпеливо ожидая выхода бабы Тани. Ей привезли внуков, троих прожорливых хлопцев, от десяти до пятнадцати лет, и Ольга Ивановна сбилась с ног, в попытках удовлетворить немеренные аппетиты.

– И отказать неудобно: соседи. – баба Таня взяла кошелку и походкой обреченного на казнь вышла из калитки.

– Ой! – подхватила Ольга Ивановна. – А я беспокоюсь: не заболела ли моя кормилица. Тяжело уж в такие годы на базар таскаться. Хорошо, я тебя выручаю.

– Выручаешь, выручаешь! – нежно ядовито пропела Баба Таня. – Вот еще пятнадцать штук твоим огольцам. Надолго оне у тебя?

– Недельки две побудут пока

У бабы Тани охнуло внутри и провалилось, но виду не подавала, только меду в голос добавила и запела еще ядовитей:

– Надо, надо ребятам, заморышам городским, подкормиться свеженьким, немагазинным. А и ходить не далеко...

– Уж, очень твои курочки яйца вкусные несут

Стремительно ворвавшись в кухню, баба Таня схватила кастрюлю, с приготовленным жидким тестом, швырнула на газовую плиту сковородку и начала яростно печь блины. Стучал

половник о кастрюлю, зачерпывая жидкую массу; грохотала о конфорку, обмазываемая маслом сковорода, шлепался на теплое полотенце горячий парящий блин.

Петрович напрягся в кресле, оторвался от газеты, сдвинул очки на кончик носа, глянул в телевизор и повернулся к жене:

- Чем беситься, сходи на рынок. Просто так.
- Рынок у Чубайсов с Гайдарами. У меня базар.
- Хорошо, хорошо. Сходи на базар, а то к тебе уже спиной поворачиваться страшно.

Баба Таня прожгла мужа взглядом, обкатала тесто в сковороде, шумно поставила на огонь и заперебирала в нетерпении ногами, ожидая, пока одна сторона пропечется и можно будет перевернуть. Через две минуты подскочила к Петровичу уже одетая на выход:

- Дopeкай, а я за дрожжами сбегаю. Пирожки поставлю на завтра.
- В холодильнике дрожжи, – засопровивлялся, накликавший себе работу Петрович.
- Мне сухие нужны, – «крутанула хвостом» баба Таня, резво семена к дверям. – Турецкие. И велосипед мне почини. Бегаю везде пешком, как савраска, а сам на мопеде королем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.